

ФИЛОСОФИЯ

Тамара Федоровна ГУСАКОВА —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного университета,
кандидат философских наук
t_gus@mail.ru

УДК 130

ВОСПРИЯТИЕ ГЕДОНИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ В РОССИИ: ПУТИ И ПРОБЛЕМЫ

PERCEPTION OF HEDONISM IN RUSSIA: WAYS AND PROBLEMS

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется феномен выдвижения гедонистических ценностей в центр современной российской культуры.

SUMMARY. The article analyses the phenomenon of hedonistic value advancement in modern Russian culture centre.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гедонизм, русская культура, ценности, удовольствие, трансформация ценностей.

KEY WORDS. Hedonism, Russian culture, values, pleasure, conversion of values.

Гедонизм в России — вопрос особый. Как гедонистическая идея входила в русскую культуру? Как шла ее рецепция? В каких формах она воплощалась? Оказался ли вообще гедонизм онтологически совместим с русской жизнью? В классической русской культуре, сформированной в духовном поле христианства, превалировало отрицательное отношение к гедонизму. Одна из особенностей русской культуры, определяемая православной духовной традицией, — нестяжание, предпочтение духовных благ материальным, уходящее корнями в монашескую аскетику и противостоящее гедонизму и утилитаризму. Гедонистические ценности всегда занимали периферийное положение в отечественном культурном пространстве, их выдвижение в центр культуры произошло сравнительно недавно, в последние десятилетия. Современное российское общество характеризуется не только отсутствием динамичных социальных сил и высокого целеполагания, но и неуклонным ростом гедонистических настроений. Наблюдая поведение постсоветской молодежи, отечественные социологи отмечают усиление комплекса *радикального* гедонизма [1; 113].

Из анализа сложившейся ситуации нередко делаются поспешные обобщения. К примеру, французский писатель Фредерик Бегбедер находит российское общество гедонистическим, идеологию — «вожделизмом», Москву — образцо-

вым Лас-Вегасом и потребительским раем. «У народа, — читаем мы в его книге о России, — одно на уме — как бы оттянуться» [2; 113]. Можно выразить только вежливое недоумение по поводу этой ремарки французского писателя. Вероятно, подобные впечатления звезда французской литературы почерпнула, посещая ночные клубы, популярные у небедной столичной молодежи, а также дома и яхты российских олигархов. Там действительно царит безудержный, крикливый, беспардонный гедонизм.

Прав ли Ф. Бегбедер в своих оценках? Действительно ли можно говорить о России как стране победившего гедонизма? Или, напротив, сама идея удовольствия чужда русской жизни, ей ближе выживание?

Россия с ее драматической историей никогда не была страной нег и наслаждений. Для русского народа, испытавшего в своей истории так много лишений и утрат, искусство жизни всегда заключалось в *выживании*, в умении обходиться без особого комфорта и удовольствий. Этим русская культура отличается, к примеру, от французской, где *умение жить* «связано в большей степени с получением удовольствий от жизни, наслаждением жизнью во всех ее проявлениях...» [3; 260].

Действительно, слова «выживание» и «претерпевание» лучше передают нюансы русской жизни. По вопросу об удовольствиях и отношении к ним православная мораль санкционировала умеренность и воздержание. В русской языковой картине мира с присущей ей оппозицией «высокого/низкого», «небесного/земного», «души/тела» *удовольствие* относится к «низкому», «земному», «телесному», «профанному». В отличие от радости, альтруистичной и бескорыстной по своей природе, удовольствие всегда рассматривалось как нечто этически сомнительное и подозрительное. Пожалуй, только один вид удовольствия — эстетическое наслаждение, — бесспорно, признается в русской культуре и выражается, в частности, характерным русским глаголом *любоваться*. Если в качестве высшего блага и смысла жизни эфемерные удовольствия в традиционных ценностях русского народа имели довольно низкий аксиологический статус, то, как приятные переживания, забавы, развлечения, безусловно, признавались. Интригующая особенность русской ментальности заключается в том, что удовольствие и опасность идут в ней рука об руку. «Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незъяснимы наслажденья...» (А. Пушкин). Другое предпочтительное удовольствие — исконно русский национальный напиток. Мужики так и говорят про водку: «Как можно! От ней в человеке развязка делается!». (И. Бунин). Имея в виду это пристрастие, некоторые исследователи приходят к выводу, что «русский мужчина как субъект удовольствия деструктивен, нелогичен, нерационален и саморазрушителен» [4].

В реалиях российской истории случались всплески гедонизма. Например, отечественная культура XVIII в. развивалась под знаком гедонизма. С нововведениями Петра I «русское общество должно было пережить тот пароксизм безоглядного увлечения чувственными наслаждениями и внешними изысканными формами цивилизованной жизни, который неизбежен в истории каждого народа, выходящего из примитивного или замкнутого в своей национальной индивидуальности состояния, резким вступлением в сферу высшей европейской культуры» [5; 259]. Гедонизм стал одним из базовых элементов самосознания русской аристократии Нового времени и обязательным атрибутом светской жизни. Гедонистическим мироощущением пронизаны все формы жизни петербургско-московского высшего света. Гедонистическая струя сильна в салонно-светском искусстве, с его безыдейностью и внешней эффектностью.

Описание «специально русских удовольствий», составляющих самоидентификационную основу русской культуры, оставил нам Л.Н. Толстой. В романе «Анна Каренина» Вронский знакомит иностранного принца с национальными удовольствиями: «Были и рысаки, и блины, и медвежьих охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи с русским битьем посуды. И принц с чрезвычайною легкостью усвоил себе русский дух, бил подносы с посудой, сажал на колени цыганку и, казалось, спрашивал: что же еще, или только в этом и состоит весь русский дух?» [6; 39].

К проявлениям гедонизма в классической русской художественной литературе следует отнести анакреонтику, гораццианство, эпикуреизм. Г. Державин в стихотворном диалоге «Философы, пьяный и трезвый» пытается реконструировать мировоззрение Аристиппа, основателя античной школы гедонизма. Имя и образ Аристиппа как нарицательное обозначение гедониста появляется, например, в «Послании Лиде» А.С. Пушкина. А пушкинский герой Е. Онегин, «забав и роскоши дитя», чья жизненная установка — наслаждение и потребление, представляет собой типичного гедониста. Действительно, гедонистические идеи и ценности активно обсуждались в русской литературе, однако лейтмотив отечественной литературы — отказ от кратковременных, земных удовольствий и соблазнов во имя высших духовных ценностей. Одно из первых философских осмыслений античной гедонистической доктрины в русской культуре принадлежит М.В. Ломоносову («Разговор с Анакреоном»). Русский философ не отвергает гедонизм Анакреонта, но находит гедонистическое мировоззрение обедненным и ограниченным: гедонист озабочен только своими частными эгоистическими интересами, замкнут в границах своего мира, социально безответственен и не способен служить высокой гражданской идее.

Удовольствие как гедонистическое благо оценивается в русской философии неоднозначно, оно может, по слову Н.А. Бердяева, быть «безобразным и безнравственным». Для Бердяева наслаждение сопряжено с ощущением «неудобно», «неловко», «стыдно». Бердяев критикует «гедонистов всех оттенков», и доказывает, что основной принцип гедонизма (удовольствие) противоречит идее совершенствования личности. Он справедливо полагает, что удовольствие не может быть предметом стремления человека, не может быть целью и смыслом жизни, из него нельзя извлечь никаких нравственных императивов, напротив, само удовольствие подлежит нравственному суду. Ф.М. Достоевский называл гедонизм «пищеварительной философией», И.А. Ильин — «противодуховной». Гедонистическая доктрина явно *не резонирует* с традициями русской мысли. По В.С. Соловьеву, гедонизм опасен тем, что исключает высшие ценности и абсолютные смыслы. Удовольствие не может быть универсальным моральным принципом, прежде всего потому, что разнообразны человеческие вкусы и разнородны пристрастия. «Один человек, — замечает Соловьев, — находит величайшее наслаждение в том, чтобы пить водку, «а другой ищет блаженств, которым нет названья и меры нет» [7; 142].

Актуализацией гедонистических идей отмечена и русская культура Серебряного века. Гедонистические послы определяют не только проблематику произведений, но и жизнотворчество таких видных представителей этой эпохи как А. Белый, Вяч. Иванов, З. Гиппиус. Одним из интересных проектов жизнестроительства Вяч. Иванова стало создание общества Друзей Гафиза (персидско-таджикского поэта-гедоника XIV в.). Это был очень интимный союз, окутанный тайной. Гафизиты, беседуя, возлежали на коврах, сопровождая разговоры возлияниями, ласками, поцелуями. Костюмы, маски, перевоплощения, преображе-

ния, вымышленные имена усиливали атмосферу таинственности. В качестве цели проекта гафизитства Иванов полагал восхождение к духовной жизни, однако реально все свелось к праздным наслаждениям и кружок распался.

Эстетический гедонизм начала XX в. сменился аскетизмом советских лет. Ранняя советская цивилизация с ее дефицитом комфорта относилась, безусловно, к аскетическому типу общества. Когда же в советском обществе (точнее, в верхнем его слое) произошел гедонистический поворот? Некоторые ученые усматривают начало гедонистического поворота еще во времена Н.С. Хрущева, когда в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, была заложена установка на потребительское общество. «Программа исходила из образа коммунизма как потребительского рая, что само по себе было крайней вульгаризацией коммунистического идеала» [8; 88]. В годы «брежневизации» гедонистический вираж в элитарных слоях стал особенно крутым. Гедонизм постсоветской элиты можно без преувеличения определить как *кастовый, демонстративный*. Новая элита российского общества ведет себя подобно жуирующей богеме: она открыто демонстрирует свою роскошь в отличие от советской политической элиты, чье потребление было тайным: шиковать запрещала партийная мораль. «Особенность наших новых русских, в основном вышедших из старой партийно-комсомольской и гэбистской номенклатуры, состоит в том, что гедонистическую метаморфозу они пережили еще в советской утробе в качестве пользователей системы спецраспределителей. Поэтому в социокультурном отношении они сразу явились нам в качестве деградировавших буржуа третьего поколения, так и не приобщившихся к первопоколенческому аскетическо-героическому этосу первооткрывателей рынка» [9; 208].

Гедонистические ценности стали особенно активно утверждаться в российском обществе, охватывая не только элиту, но и массу, в эпоху «путинского стабилизанса» (2000-2008 гг.), когда открылись новые потребительские возможности, обеспеченные нефтедолларами. Знаковым явлением российского гедонизма, синтетического по своей природе, стал гламур. В первые перестроечные годы для основной массы россиян традиционные духовно-нравственные ценности оставались еще в качестве доминирующих. К ценностям-лидерам российского общества (по состоянию на 1992 г.) относились: коллективизм, душевная гармония, спокойная совесть, семья, интересная работа, забота о ближнем и слабом. Относительно небольшую значимость имели ценности материального характера [10; 39]. Постепенно под влиянием неолиберальной идеологии и рыночных механизмов происходит трансформация ценностного сознания. Из отрицаемых в одобряемые переходят ценности материального характера, индивидуализм, прагматические и гедонистические ценности. В ходе реформ Россия получила чуждый антинациональный социальный идеал, противоречащий нравственным традициям ее народа, русской этической ментальности. Неолиберальная система ценностей, утверждающаяся в России, — это, прежде всего, монетаристская система ценностей, где очевиден приоритет материального над духовным, экономических (рыночных) ценностей.

Социологические исследования, проведенные в 2006 г., показывают, что у населения России факторные нагрузки ценностей гедонизма по сравнению с населением Западной Европы еще не столь велики. Но «представления о гедонистическом идеале у россиян гораздо *шире*, чем у населения Западной Европы, они включают: творчество, богатство, демонстрацию своих способностей, признание окружающих, свободу и независимость в решениях — и наслаждение всем этим» [11; 115]. Кроме того, было обнаружено сходство в ценностных

позициях гедонистического комплекса между российским населением и европейским: пробовать новые занятия, баловать себя, искать веселье и забавы, хорошо проводить время и тому подобное.

Гедонизм, став для общества нормой и идеалом, приводит к прогрессирующему разрушению социальной ткани, к духовному надлому и моральному хаосу, к вырождению и гибели. История учит, что общества и классы, ориентировавшиеся на гедонизм, обрекают себя на стагнацию и упадок: стремление к самоуслаждению не может мобилизовать потенциал творческой активности, заложенный в человеке и обществе, и поэтому неизбежно ведет к деградации воли и сознания. «Утилитарные и гедонистические ценности «цивилизованного мира» производят такую огранку человеческой души, при которой незаметно атрофируется ее «высшая половина», а воля приковывается к низшим этажам существования» [12; 250].

И в заключение вернемся к радикальным высказываниям Ф. Бегбедера. Говорить о триумфе гедонизма в России, на наш взгляд, все-таки преждевременно. Восприятию гедонистической доктрины мешают духовные традиции христианства, и пока живы эти традиции, у гедонизма нет шансов стать доминирующей идеологией. Однако нельзя не отметить нарастающего влияния гедонистических ценностей. Особую тревогу вызывает утверждение гедонистических идеалов в молодежной среде. В режиме гедонистической нацеленности работает реклама, занимающая сегодня место идеологической индокринации. Именно современные средства массовой коммуникации сыграли решающую роль в том, что гедонизм стал ведущей ценностной ориентацией молодежи. В культуре влияние гедонизма сказывается прежде всего в снижении уровня духовных ценностей, в адаптации произведений искусства к ожиданию и спросу потребителей, в установке на развлекательность. Мощная индустрия удовольствий и развлечений, созданная в современном обществе, — своеобразный индикатор популярности гедонистических ценностей. Гедонистические устремления человека оборачиваются опустошенностью и смысловой выхолощенностью: плененный «хищными вещами» и соблазнами, он тратит свои силы и энергию на поиск новых, еще не испытанных удовольствий. Невостребованность метафизических глубин, разрушение сакральных основ бытия ведут к угасанию духа, к атрофии созидательных способностей. Гипертрофия гедонистического начала видоизменяет саму природу человека: идут процессы упрощения человеческого сознания, обеднения его ценностно-смысловой сферы, редуцируется духовное измерение человеческого существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добреньков В.И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 108-115.
2. Бегбедер Ф. Идеаль. М.: Иностранка, 2008. 352 с.
3. Грабова Э.В. Концепт «savoir vivre» — умение жить // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 257-333.
4. Орлова Н.Х. Мужчина России: выживающий или вымирающий? http://sofik-rgi.narod.ru/avtor/orlova__men__rus.htm.
5. Михневич Вл. Исторические этюды русской жизни. В 3 тт. Т. 2. СПб., 1882. 429 с.
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Соб. соч. в 12 тт. Т. 7. М.: Правда, 1984.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.

8. Лившиц Р. Потребление и потребительство // Свободная мысль — XXI. 2001. № 6 (1508). С. 81-89.
9. Панарин А. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11. С. 205-219.
10. Рассадина Т.А. Трансформация традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М.: Прометей, МПГУ, 2004. 409 с.
11. Горяинов В.П. Ценностные суждения в России и Западной Европе: сравнительный анализ // Социс-2009. № 5. С. 114-120.
12. Тарасов Б.Н. Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание). М.: Academia, 1999. 288 с.

*Николай Николаевич ГУБАНОВ —
доцент кафедры философии
Московского государственного технического
университета им. Н.Э. Баумана
gubanovnn@mail.ru*

УДК 140.8

МЕНТАЛИТЕТ И ТВОРЧЕСТВО

MENTALITY AND CREATIVITY

АННОТАЦИЯ. Впервые для изучения творческих процессов используется категория менталитета. Показано, что жизненные обстоятельства и события влияют на менталитет творца, а его менталитет детерминирует характер творчества. Оригинальный результат творческого процесса обусловлен взаимодействием индивидуальных ментальных особенностей с архетипами коллективного бессознательного и рациональными компонентами менталитета творца.

SUMMARY. For the first time the category of mentality is used for studying creative processes. It is shown that life circumstances and events affect the mentality of the creator, and his mentality determines the nature of creativity. The original result of creative process is caused by the interaction of individual mental characteristics with archetypes of the collective unconscious and the rational components of the creator's mentality.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Менталитет, бессознательное, архетип, творчество.
KEY WORDS. Mentality, unconscious, archetype, creativity.*

Современное общество называют цивилизацией инноваций. Однако процесс творчества, служащий источником инноваций, недостаточно изучен. В последнее время важную роль стала играть сравнительно новая для отечественных социально-гуманитарных наук категория менталитета, или ментальности. Нередко менталитет отождествляется с сознанием или психикой субъекта, что делает этот новый термин излишним, а категорию менталитета непродуктивной. Мы полагаем, что менталитет представляет собой совокупность социально-психологических особенностей субъекта, детерминирующих его специфическое восприятие мира и особый характер его деятельности [1]. В такой трактовке категория менталитета обладает дополнительными эвристическими возможностями в разработке философской проблематики по сравнению с традиционными понятиями сознания, мировоззрения, общественной психологии, духовного мира, идеального и др. Эта категория позволяет искать ответ на вопрос не только о